

— Подними голову, — Шэнь Чжу посмотрел на Бао Эра.

Бао Эр был немногословен и обладал высокой исполнительностью. Даже под угрозой смерти он не паниковал, словно не слышал, как обсуждают его судьбу. Выглядело так, будто даже если Тайшань обрушился бы ему на голову, его выражение лица не изменилось бы.

Однако...

Глаза были в красных прожилках, а черная аура окутывала пространство по обеим сторонам — это было типичным признаком грядущей кровавой катастрофы на лице.

Шэнь Чжу не увидел кармической связи между ним и прежним хозяином тела, поэтому протянул свою нежную белую руку.

[Система]: .....

Картинка казалась знакомой.

На лице Бао Эра читалось замешательство:

— Молодой господин Чжу?

— Это для меня? — Шэнь Чжу приподнял подбородок, намекающим взглядом указав на пакет с конфетами.

Бао Эр на мгновение замер.

— Да.

Их пальцы соприкоснулись, и Шэнь Чжу с очень серьезным видом нарисовал круг на тыльной стороне его руки, оставив огненную метку для защиты жизни.

В глазах посторонних эта картина выглядела двусмысленно и полна намеков.

Янь Юцзю прищурился и лениво усмехнулся.

[Система]: Любовь — это свет, зеленый до дрожи! Зеленый до дрожи...

— Смертную казнь можно простить, но от наказания не уйти. Ты правда не собираешься его наказывать? — Янь Юцзю улыбнулся, скрестив руки на коленях.

Его переплетенные пальцы естественно свисали, с удобством и ритмом постукивая по колену.

— Наказать нужно, — кивнул Шэнь Чжу.

Янь Юцзю улыбнулся, но, услышав следующую фразу Шэнь Чжу, не смог сдержать смеха.

Шэнь Чжу произнес четко, разделяя слова:

— Найди его нанимателя и накажи.

Янь Юцзю с интересом приподнял бровь:

— О, Сяо Чжу хочет наказать меня? Как мне подыграть? Мне принять ванну?

Шэнь Чжу махнул рукой:

— Сварить шерсть?

Улыбка Янь Юцзю застыла.

Слушавший из-за угла управляющий едва сдерживал судорогу в уголке рта. Что это за божественный диалог?

Зазвонил дверной звонок.

Управляющий поспешил прервать этот душераздирающий разговор супругов:

— Мастера прибыли, я пойду открою.

— Даос Гун, Даос Ли, добро пожаловать.

Управляющий тепло приветствовал двух мужчин, вошедших в дом. Увидев друг друга, все на мгновение замолчали.

[Система]: Судьба свела нас вместе.

Шэнь Чжу немного озадачился.

Гун Пин был весьма удивлен. Недавно он разобрался с туфлями с тигровыми головами в доме Тан Цичжуна, как услышал, что в Изумрудной долине снова возникли проблемы, и прибыл сюда вместе с Ли Цяо. Вчера в вилловом районе Изумрудной долины появилась срочная особая задача, которую принял на себя Фэн Шу, и вскоре поступил новый отчет.

По дороге Ли Цяо бормотал, что это, несомненно, было дело рук глупого Фэн Шу, который не справился с работой и оставил последствия.

Он не ожидал встретить здесь этого великого мастера, о котором не мог составить мнения.

Янь Юцзю незаметно для всех наблюдал за происходящим, на его лице появилась улыбка, и он обменялся несколькими фразами с двумя известными молодыми талантами даосского направления. Из-за своего особого телосложения он часто общался с людьми экстрасенсорных способностей и был знаком с Гун Пином, но приглашал их к себе домой впервые.

— Господа даосы, это моя супруга. Сяо Чжу, будь послушным, это очень могущественные мастера.

В этих словах было слишком много информации.

Гун Пин: .....

Внезапно он проникся глубоким уважением к господину Яню.

Могущественные? Шэнь Чжу косо посмотрел своими черными глазами — он забрал вернуть свою Жемчужину Цянькунь.

— Здравствуйте, — сдержанно произнес Гун Пин, выдавливая слова сквозь зубы. Его щеки покрылись пятнами смущения.

Раньше он гордился своими талантами, но сейчас перед Шэнь Чжу это выглядело как публичное наказание.

Ли Цяо было словно ударом: мышцы на его лице дергались, весь он мелко трясаясь, очевидно, так и не смог выбраться из тени.

Заметив странности, Янь Юцзю осторожно прощупал почву:

— Моя супруга вчера утонула, я хотел бы провести обряд, чтобы молиться о благополучии и изгнать неудачи и злую энергию.

Ли Цяо: .....

Ты издеваешься надо мной?

Извините, прощайте.

— Мне очень жаль, но, боюсь, я недостаточно силен и не смогу справиться, — спокойно сказал Гун Пин.

Улыбка Янь Юцзю слегка померкла:

— В чем проблема? Я готов пожертвовать 20 000 000 в знак благодарности, надеюсь, господа мастера не сочтут это оскорблением.

20 000 000?

Шэнь Чжу немного заинтересовался и протянул ладонь.

Эй, эту работу он мог бы выполнить.

— Сяо Чжу такой послушный, — Янь Юцзю приподнял бровь, улыбаясь, очистил конфету и положил её на ладонь «супруги».

Конфета была прозрачной и сияла семицветным ореолом, в воздухе разлился соблазнительный сладкий аромат.

Уставившись на лежащие на ладони «20 000 000», Шэнь Чжу сравнил их с пыльной и тусклой Жемчужиной Цянькунь, а потом с радостью сгреб их в рот, чтобы спрятать.

[Система]: ..... Мой бедный хозяин.

К счастью, Янь Юцзю не протянул ему железный чурбан. Это, пожалуй, единственный случай, когда хозяин не сделал ничего человеческого, но вел себя как человек.

Шэнь Чжу с важным видом нарисовал круг у себя на лбу.

Процедура омовения, смены одежды, выбора благоприятного времени и призыва божеств превратилась в большую пропущенную часть, от чего у Гун Пина дернулся уголок рта.

Видимо, он мало читал книг.

После завершения Шэнь Чжу и Янь Юцзю уставились друг на друга.

Маленький умственно отсталый, возможно, сошел с ума. Янь Юцзю не понимал заклинаний, но он вежливо улыбнулся и похвалил своего одержимого маленького глупца.

— Сяо Чжу такой молодец!

— Угу, — Шэнь Чжу не скупился, взял руку Янь Уцзю и оставил на его ладони печать огненного узора.

Струя горячего огня, собравшаяся в ток, ворвалась в их тела через соприкасающиеся ладони, и взгляд Янь Уцзю тут же потемнел.

— Это метка? — Любовная метка вызывала приятное покалывание, и сердце забилося сильнее.

Янь Уцзю с удовольствием улыбнулся, подпер рукой подбородок, его поза казалась естественной и непринужденной, как у ленивого льва, но в ней сквозили острые нотки.

Это мгновенное прикосновение принесло дрожь, которую Янь Уцзю с его омертвевшим сердцем никогда раньше не чувствовал.

Действительно интересно.

Бросив на него взгляд, Шэнь Чжу кивнул.

Низкий смешок, Янь Уцзю глубоко посмотрел на маленького умственно отсталого, его чувства становились все глубже.

В конце концов, два даоса так и не провели молебен, зато каждый получил красный конверт.

Шэнь Чжу проводил их до двери и протянул ладонь.

Гун Пин уставился на ладонь и вынужден был передать ему еще не остывший красный конверт и Жемчужину Цянькунь, прошептав на ухо:

— Не знаю, как мастер Шэнь намерен поступить со злым младенцем? Если возможно, не могли бы вы позаботиться о злой душе? — Он пытался, но не смог вытащить злого младенца из Жемчужины Цянькунь.

Дело одного пламени.

— Можно, — кивнул Шэнь Чжу и съел красный конверт. Ну, можно сказать, очень прямолинейно.

Гун Пин: .....

Он дьявол или шутник?

Гун Пин с трудом подбирал слова:

— Я бы посоветовал показаться врачу. Например, психологу.

Услышав шаги, Шэнь Чжу махнул рукой, подгоняя их уходить.

— Что случилось? — Янь Уцзю сделал несколько шагов своими длинными ногами и подошел к двери, притворяясь, что не понимает.

Шэнь Чжу ответил:

— Ничего.

Задумчиво моргнув, Янь Уцзю улыбнулся:

— Правда?

Вернувшись в гостиную, Янь Уцзю полуприкрыл глаза и сел рядом с Шэнь Чжу, его кончики пальцев скользили по его слегка удлиненным черным волосам, касаясь щеки.

Заметив, что Шэнь Чжу недовольно нахмурил брови, он не рассердился, а рассмеялся, и его тихий смех разнесся по гостиной.

— Сяо Чжу, я очень рад, что ты восстановился. Но ты еще плохо знаешь общество, поэтому Бао Эр останется продолжать охранять тебя, хорошо?

Последний слог плавно растянулся. Стоило ему открыть рот, как он звучал как человек-ракушка, волна за волной.

Управляющий прижал руку к груди. Мой хозяин переполнен мужскими гормонами, он светится и загадочен, как неоновая вывеска.

Но как участнику событий Шэнь Чжу, он был практически слеп.

— Можно, — согласился Шэнь Чжу.

Янь Уцзю излучал ауру, сравнимую с папиной:

— Когда через несколько дней закончу дела, возьму Сяо Чжу погулять?

— Потом обсудим, — Шэнь Чжу молча подсчитывал, насколько муж мешает ему.

Ночью фиолетовая ци на теле Янь Уцзю застыла, и струйки ци преисподней начали вытекать, его черные глаза затуманились пеленой.

Контракт сам по себе развернулся, страницы зашуршали и в конце остановились на одной из них.

[Брак действителен до тех пор, пока сторона Б не восстановит разум или не умрет...]

Округлые, аккуратно подстриженные кончики пальцев слегка постучали по контракту, оставив легкий след. Спустя какое-то время мужчина почесал ладонь.

Горячий поток в ладони не рассеялся со временем, а стал лишь отчетливее.

— Маленький глупец превратился в маленького беса.

Яркий и живой свет озарял спальню так ярко, словно днем.

Стены синего цвета, напоминающие море, были украшены несколькими живыми рыбками, а на них висели штурвал и ракушки, что создавало очень детскую атмосферу.

Однако этот прекрасный сказочный мир превратился в озеро, словно его коснулось

наводнение. Дорогой ковер пропитался водой, и шаги издавали чавкающий звук. Мебель разбухла и потрескалась, вся комната была в полном беспорядке.

Но, к счастью, это заметили вовремя, и пострадали только несколько соседних комнат.

Шэнь Чжу долго молчал, прежде чем выдать фразу.

— Такой низкоуровневый артефакт, как кран, не стоит упоминания, но выносливость у него неплохая.

Кран тут ни при чем, спасибо насосу. Система была безмолвна.

Комната была затоплена, жить в ней было невозможно, поэтому Шэнь Чжу переехал в спальню для гостей на третьем этаже.

Гостевая спальня была простой, и за исключением пары красных лакированных стульев в ней практически не было ярких цветов. Шэнь Чжу не предъявлял высоких требований к окружающей среде.

Или скорее, он был слеп и не замечал разницы в стилях двух комнат.

<http://bllate.org/book/16899/1566735>